Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2019» - Публицистика

Номинация «Публицистика» 2019

Москаленко Юрий Николаевич (персональный номер участника - 170)
Фролкина Татьяна Юрьевна (101)
Куличенко Вадим Тимофеевич (18)
Гошев Сергей Аркадьевич (6)
Сумкина Алина Алексеевна (23)

1 место и звание лауреата – **Москаленко Юрий Николаевич** – родился в 1961 году в Армавире Краснодарского края. Писатель, поэт и драматург. Число просмотров его произведений только на интернет-журнале «Школа жизни.Ру» насчитывает около 13 млн. Недавно получил Благодарность Госдумы Российской Федерации за личный вклад в информационное сопровождение программы социально-экономического развития Калининградской области..

Член МАПП.

Последний бой поэта

Народному поэту Татарстана Фатыху Кариму – 110 лет

…Яркое синее небо, подёрнутое местами неплотными облаками. В зарослях ивняка, на берегу небольшой речушки, высвистывают свои причудливые трели соловьи. Густо цветёт яблоня. Нам, небольшому десанту литераторов и просто неравнодушных людей, приехавшим на открытие памятного камня Фатыху Кариму, то и дело приходится отмахиваться от комаров. Впереди – небольшая высотка, полыхающая желтым «огнем» из соцветий рапса, раскачивающихся на лёгком ветру.

Тихо. Умиротворенно. Кажется, этих мест никогда не касалась война. Но в ночь с 18 на 19 февраля 1945 года бойцам саперного взвода под командованием лейтенанта Фатыха Каримова было приказано взять высоту в 37,8 метра.

Восемь бойцов и командир. Санинструктор почти не считается. Что с неё взять, с девчонки. А впереди, на возвышенности, огневые точки врага.

Какую задачу решала эта высота в тактических схемах? Как человек военный, могу предположить – она прикрывала брод через речушку, переправившись через которую советские бойцы могли развивать наступление на Тарау, в 18 км от окрестностей Кёнигсберга.

…В сапёрном взводе полного комплекта людей раза в три больше. Но бои шли не один день, а потому и осталось в распоряжении младшего лейтенанта Каримова всего восемь бойцов. Но командир воюет с далёкой зимы 1941 года, многого навидался, так что опытен и смел.

Он понимает – каждый из его бойцов стоит дюжины. Что рано или поздно им удастся выявить все огневые точки, и тогда можно будет соединить свои силы в три тройки. Две прикрывают штурм с

флангов, одна во главе с ним подавляет огневые точки.

Самая большая беда – снизу они, как на блюдечке, гитлеровцы следят за каждым движением и открывают огонь по первому шевелению не то, что человека – густых белёсых метёлок. Именно для этого они не скосили их осенью и не подпалили зимой.

Фатых внимательно вглядывается в высотку, отмечает места, где залегли пулемётчики. Для этого необходимо чуть-чуть приподняться над землёй, что очень опасно.

Гитлеровцы тоже быстро определяют, кто здесь главный, и большую часть огня переносят на командира. «Вот и хорошо, – шепчет Каримов, – так мы быстрей выясним, сколько вас, гадов, и чем вы располагаете».

На военном языке есть такое определение – вызвать огонь на себя. Именно так и действует лейтенант.

Но игра со смертью – очень прескверная штука. Уцелеть практически невозможно. Ведь у фашистов помимо пулемётов есть ещё переносные миномёты «leichter Granatenwerfer 36», которые они применят, как только убедятся, как расположились наши бойцы. И в первую очередь по командиру.

Кому как не сапёру знать эту штуку? Калибр на ширину спичечного коробка, 50 мм, масса мины – 910 г, скорострельность – 15-25 выстрелов в минуту, если сыпанут из трёх миномётов – мало не покажется.

Фатых принимает решение сменить позицию. Он начинает отползать. И тут же с высотки раздаётся протяжный свист первой мины.

Засекли точно – там, где незадолго до этого находился офицер, плюхаются мины, выворачивая крупные комья земли.

Огневые точки установлены, теперь главная задача пробраться в «мёртвую» зону, которую не задевают ни пули, ни мины.

Фатых подзывает к себе младших командиров – сержантов Пригодина и Кушнаренко. Коротко ставит задачу: атаковать в лоб не имеет смысла, он с двумя бойцами совершает обходной манёвр, а сержанты со своими тройками имитируют наступление по флангам, усиливая огневой натиск и отвлекая внимание врагов. Сигналом для атаки Каримову будут крики «ура».

Следующие пять минут боя самые напряженные – пан или пропал. Интенсивность нашего огня увеличивается, фашисты всё свое внимание приковывают к полудюжине наших смельчаков. А штурмовая тройка беспрепятственно пробирается в тылы обороняющихся.

С криком «Ура» у подошвы высоты лейтенант начинает свою атаку. Гитлеровцы растеряны, часть из фашистов не успевает повернуть свои пулемёты и автоматы, срезанные очередями, кто-то кубарем скатывается с высоты, третьи бросают оружие и поднимают руки, сдаваясь в плен.

Ещё полминуты и сапёрный взвод собирается на высотке. Каримов обнимает каждого, подбадривает. После чего приказывает сержантам построить пленных, дать им в руки два шеста с подвязанными на концах белыми платками. И «шнель» с высотки в расположение советских войск.

А затем показывает бойцам, кто и где должен расположиться для отражения вражеской контратаки.

В горячке боя он не сразу обращает внимание на то, что «поймал» пулю. Но девочка-санинструктор уже рядом и перевязывает рану.

Времени на это практически нет. Гитлеровцы, перегруппировавшись, серой цепочкой карабкаются в гору, пытаясь отбить высоту.

Но бойцы сапёрного взвода уже заняли позиции и держат под огнём самые уязвимые участки. К тому же преимущество в высоте перешло к советским воинам – фрицы на своей шкуре понимают, как тяжело атаковать, когда любой из них на мушке.

Первая контратака всегда «пристрелочная» – нужно понять, откуда ожидать главную угрозу. А она исходит от брошенных пулемётов, с которыми «иваны» могут обращаться не хуже их самих.

Короткая перестрелка, не более пяти-семи минут, и первый штурм захлёбывается. Фашисты откатываются, «зализывают» раны и ждут пусть небольшого, но подкрепления. Им тоже не с руки оставлять высоту, она прикрывает стратегически важную дорогу, куда под прикрытием огня с 37,8 могут хлынуть наступающие на Кёнигсберг русские.

А на высотке отважный взвод перевязывает раны, готовясь отразить новую вылазку.

– Как думаете, братцы, отобьёмся? – с тоской спрашивает кто-то из бойцов.

– Куда мы денемся? – подходит к нему командир взвода. – Сколько мы уже прошагали, проползли бездорожьями войны. Мечтали тогда, три года назад, что добьём фрицев в их логове. Видишь, там впереди – Кёнигсберг. Паучье гнездо гитлеровского милитаризма. Много веков здесь зарождались самые захватнические планы. А теперь враги сидят под защитой своих крепостей, домов и дрожат от страха. Они знают, их ожидает возмездие.

Мы сражаемся здесь, на этой земле, а где-то в Москве уже чертят планы, как с наименьшими потерями взять Берлин, окончательно раздавить фашистскую гадину. Судить всю эту гитлеровскую клику самым справедливым судом.

– Эх, дожить бы! Чувствую, война вот-вот закончится…

Договорить не успевает – фрицы снова взбираются на высотку.

Вторая контратака ожесточеннее, чем первая. Враги понимают, силы у защитников высоты небеспредельны, а потому стараются навалиться всеми силами. Плотность огня возрастает, голову поднять невозможно.

Вот уже один из воинов вскрикивает из-за попавшей в него пули, затем второй. Но никто и не думает покидать поле боя. Будут сражаться до конца.

Наконец натиск фрицев стихает, они делают последнюю попытку взять высотку, дают залп из всех видов оружия, и откатываются назад.

Лейтенант Каримов стискивает зубы, он вторично ранен.

На этот раз все серьёзнее – от потери крови участок высотки впереди – начинает расплываться. Вот-вот, Фатых потеряет сознание.

Но снова на помощь приходит санинструктор.

Он смотрит на неё своими карими глазами, немного прищурясь, и еле-еле раздвигает в улыбке серые запекшиеся губы.

– Ничего, сестрёнка, мы ещё повоюем.

А у той в глазах закипают слёзы. Она внимательно оглядывает командира.

Небольшого роста, с впалыми щеками, серым лицом: вот уже несколько недель отдыхать не приходится. Зато вдосталь трудной солдатской работы – атаки, бои, ночёвка в поле. В снегу или на раскисшей в кисель земле. А выдаётся минутка-другая, достаёт блокнот и пишет на непонятном ей языке.

Строчки ложатся неровно, но они всегда почти одинаковы по длине.

Однажды она набралась смелости:

– Это стихи?

– Да, – объяснил Фатых. – Они помогают мне жить.

– Но вы же не Пушкин?

– Нет, конечно, – в его глазах лучатся добрые искорки. – Стихи помогают мне разговаривать со своим жасмином – так я называю любимую жену Кадрию. Мы с нею, как цветок со стеблем, а ещё есть тоненькие трепетные лепестки – это наши девочки – Ада и Лейла. Пока их только двое, но вернусь с войны – их будет трое, четверо, пятеро! Дети – истинные цветы, которые дарует нам всевышний.

Он погружается в свои думы и не замечает, как санинструктор вытирает слёзы, уже не таясь. Сколько же в нём силы духа, несгибаемой воли, если в минуту опасности мыслит не о себе, а о других.

Туго забинтовывая рану, чтобы остановить кровотечение, она вспоминает, как уважительно к нему относятся солдаты взвода. Да что там взвода – Фатых Каримов, человек, которого любят все, кто о нём знает или услышал его стихи…

– А он вправду, как Пушкин? – спросила она у политрука части – майора Лагуна.

– Ну что ты! Нашла с кем сравнивать! – доверительно произнёс майор. – Александр Сергеевич, хотя и великий поэт, но – барчук. Как и Лермонтов. А наш Фатых – кровь от крови народный. У него семеро братьев и сестёр, в девять лет он потерял отца и сполна испытал нужду.

Всё зависит от того, как и о чём писать. «Евгений Онегин» – красиво, но для избранных. А Карим делится со своим народом радостью бытия, тем, что окружает человека. В его стихах слышны дуновение ветерка, журчание ручья, восторженные гортанные крики птиц, возвращающихся в родные края с юга, первый ликующий хор пробудившихся лягушек, стрекот цикад на вечерней зорьке.

Его стихи – огромное, наполненное тысячами красок и звуков полотно. Именно таким видели и видят этот мир его предки и миллионы людей, которым посчастливилось жить в одно время с этим великим человеком. Он ещё больше красок добавил, ведь впервые за тысячи лет простой народ строит своё счастье. Передать этот энтузиазм и задор, восхождение людей к новым вершинам, дано

не каждому…

Погрузившись в воспоминания, она не сразу замечает – бинт намотан полностью. Отматывает на ладонь, чтобы была возможность затянуть узел покрепче.

Потом снова вглядывается в черты лица поэта.

– Зачем ты пошла с нами? – неожиданно строго спрашивает Карим. – Ты могла остаться, отправиться с другими. Мы можем погибнуть…

– Ничего-то вы не понимаете, – в сердцах бросает она и отползает, чтобы успеть перевязать других раненых…

Тёплая волна заполняет его душу:

– Моя Кадрия поступила бы точно так же…

Фатых мысленно переносится в Казань, в декабрь 1941 года. Он с Адой и Лейлой отправился в цирк. Но девчонки на арену почти не смотрели, они вцепились в него маленькими ладошками и боялись, что вот сейчас вспыхнет свет, артисты раскланяются, а папа исчезнет.

Разве есть в жизни минуты, наполненные большей благодатью?!

…Гитлеровцы снова поднимаются в атаку. Фатых нажимает на спусковой крючок, стреляет очередями и не знает, что в это самое мгновение он уже «обозначен» в кружке прицела снайперской винтовки, а фриц только выжидает момент для выстрела.

Щелчок винтовки, горячая пуля, вырывающаяся с бешеной скоростью из дула – какое-то время живут в разных измерениях с Каримовым. Они встретятся через несколько секунд. И это грань между жизнью и бессмертием, которую нельзя ни стереть, ни отменить…

Командир взвода больше не увидит широту своей родной Итили, не вдохнёт полной грудью аромат цветущего луга, не почувствует, как с него бережно снимут командирский планшет с блокнотами, шинель, сапоги, всё аккуратно сложат стопкой и прикроют, чтобы фашисты не забрали.

Взвод без командира отобьёт ещё две контратаки. Но силы слишком неравны. На этой высотке завершат свой земной путь все девять человек из сапёрного взвода и санинструктор.

…Мы стоим с Лейлой Фатыховной у памятного знака, установленного на мести гибели героев.

Ей уже под восемьдесят лет, более полувека она почти каждый год приезжает сюда. Сначала с мамой и сестрой, а теперь одна.

Я читаю ей стихи, которые посвятил Фатыху Кариму.

Душа поэта тоньше аромата
Фиалок нежных меж стволов берёз…
Её одежды – рубище солдата,
Что соль впитало материнских слёз…

Ей пищей служит вечная надежда,
Мечты о верной и святой любви…
И ждут её – философ и невежда,
Предчувствуя весенний ток в крови…

Но лишь поэт способен на такое –
Грозой весенней поразить сердца…
И это пламя – вечное, живое –
Бесценный дар всем людям от Творца!

Лейла Фатыховна улыбается. То ли стихотворению, то ли пробуждающейся весне. Главное – мы помним великого татарского поэта, отдавшего за свободу и независимость Родины свою жизнь…

* * *

А потом мы возвращаемся в Багратионовск. Проходим мимо школы, к мемориалу, где перезахоронен поэт. Аккуратно кладем на гранитный постамент цветы. Замираем на минуту, вспоминая Фатыха.

– Давайте я проведу вас по улице своего отца, – приглашает Лейла.

Мы отправляемся по небольшой улочке, которая носит имя Ф. Карима.

Задаю самые животрепещущие для себя вопросы.

– Почему есть два варианта написания имени вашего отца?

– На татарском языке пишется Фатих, а в переводе на русскую транскрипцию – уже Фатых. Так что и одно, и другое написание правильные…

– В некоторых источниках воинское звание у Карима «младший лейтенант», а на памятнике он изображен в лейтенантских погонах? Где правильно?

– Во время последнего боя отец был младшим лейтенантом, но, возможно, было подписан приказ о присвоении ему очередного воинского звания, и он об этом так и не узнал. А на памятнике восстановили справедливость.

– На гранитном постаменте выгравированы такие строки, которые написал Фатых Карим:

Забыв о смерти, в жизнь поверьте,
Любите Родину свою!
За верность Родине бессмертье –
Награда храброму в бою…

– Именно эти строки мой отец не писал. Это вольный перевод одного из его стихотворений, написанных задолго до Победы. Оно очень лирическое, затрагивает струны души, в нём тоска по своей Родине, семье, людях, которые его окружали. Здесь же совсем другой стиль, не свойственный отцу.

Возможно, с татарского языка стихи переводить очень сложно. Но могу предположить и другой вариант: кому-то очень хотелось, чтобы слова звучали более весомо, соответствовали граниту, на котором они высечены.

Мы опять замолкаем.

Я признаюсь:

– Читал не так уж много стихотворений на русском языке Фатыха Карима. Мне кажется, он очень лиричен, умеет показывать людям то, мимо чего они проходят в суете будней. Ведь понятие родина, любовь, жизнь состоят из множества мельчайших эпизодов, которые у одного человека остаются в памяти, а другого абсолютно не трогают, «проезжают» мимо.

На мой взгляд, тяжелее всего переводить именно лирического поэта. Для этого переводчик должен не только разбираться в тонкостях языка, но и сам замечать то, что способно взволновать, добавить эмоций, превратиться в будущее «воспоминание». Быть неравнодушным человеком к поэзии того литератора, о котором собирается поведать своему народу.

Несколько раз пытался переводить с сербского классика европейской литературы Радосава Стояновича. Чувствую его поэзию и прозу нутром, а вот выразить все предельно точно не получается. А это как взять фальшивую ноту в музыке. И потом после некачественного перевода у людей может возникнуть ощущение того, что никак не тянет этот человек на народного поэта. Мол, и он позволяет себе «халтурку».

С момента гибели Карима прошло почти три четверти века. За это время выросло три-четыре поколения поэтов. Кому-то из них удалось встать вровень с ним?

Лейла Фатыховна задумывается…

– У нас достаточно много и хороших поэтов, и писателей. Но не будем забывать, что в творчестве любого человека в первую очередь проявляется его мироощущение, пережитое, накопленный опыт. Невозможно добиться такого накала души, который возникает, к примеру, на переломном моменте жизни, когда напрягается каждый нерв, а секунда кажется вечностью.

Мой дедушка был священнослужителем. Он умер относительно рано, не увидел даже того, как отец стал взрослым. Но он научил каждого из своих детей главному – быть честным, совестливым, щедро делиться последним кусочком хлеба, если у кого-то нет и крошки.

Что такое не иметь возможности обнять самого дорогого тебе человека, я хорошо знаю по себе. Стараешься каждый день выполнить немного больше того, что можешь. Потому что у тебя есть неосознанный долг перед тем, кто уже ушёл. Отец должен тобой гордиться! А потому никаких поблажек себе.

Я не литератор и не поэт, я могу судить творчество отца только душой. Но мне кажется, что проникновенные стихи получались у него из-за того, что он, сочиняя свои строчки, видел глаза того человека, для которого он пишет, чувствовал все его беды, радости, переживания. Это называется – сопричастность. Он любил людей, понимал мотивы их поступков, всегда старался даже в самом

неудачном раскладе чьей-то судьбы, взрастить искру надежды, поддержать, показать – самое страшное уже позади.

Знаете, это чем-то напоминает случай, когда маленькую девочку для того, чтобы её лучше слышали родные и близкие, ставят на небольшой стульчик или табуретку. Но это не совсем точное сравнение. Отец, словно давал своему читателю и слушателю мощный нравственный фундамент, твёрдую опору, с нею гораздо легче шагается по жизни. Или можно сказать так: всегда старался подставить своё плечо…

А ещё я заметила: люди, соприкасающиеся с творчеством отца, в чём-то непременно изменяются. Они теряют право писать плохо. Есть народный поэт Татарстана Ренат Харис, доктор филологических наук Рамиль Сарчин, таких имён и у нас, и в соседней Башкирии, превеликое множество.

Они, как и отец, пишут не чернилами, а сердцем.

А стихи, как родник, который питает народные таланты, позволяя им раскрываться всеми своими яркими кристаллами.

И это главный итог жизни поэта Фатыха Карима.

2 место и звание лауреата – **Фролкина Татьяна Юрьевна** – родилась в Ленинграде. С детских лет посещала ЛИТО В. А. Лейкина. Много публиковалась в литературных журналах. Поэт и прозаик. Ищет новые пути в творчестве. Член СПб Союза Писателей. Проживает в Санкт-Петербурге.

Блокадная история моей семьи

Все мы родом из детства. Я росла в Ленинградской семье. Папа и мама – инженеры. Мой маленький мирок вначале ограничивался рамками тесной квартирки у метро Электросила и большой комнатой с игрушками в доме напротив. Туда по утрам приводили меня и других ребятишек, оставляли на бесконечно длинный день и поздно вечером забирали.

Довольно рано – из рассказов папы, мамы, бабушек, воспитательниц в детском саду, из книжек, которые мне читали взрослые, из песен, льющихся из огромного коричневого ящика на кухне, я узнала о войне. Это мне тогда казалось – непостижимая вечность! Целых 20 лет назад утро начиналось не с «Пионерской зорьки» и с запаха яичницы, а с монотонного стука метронома в пустой холодной комнате, зловещего воя сирены и ярких огненных вспышек, прорезающих насквозь серое низкое небо.

Это сейчас я понимаю, что 20 лет – ничтожно краткий миг, за который и оглянуться толком не успеешь, не то, что дом перестроить.

А тогда я с жутким страхом смотрела вслед проезжающей мимо громыхающей дощечке на маленьких колесиках. К дощечке были привязаны ремнями спрятанные в грязные обмотки, как мне казалось, детские ножки. Ножки крепились к ватнику. А наверху – голова взрослого дяденьки. Папа объяснил мне, что это – вовсе не сказочные заколдованные карлики, а доблестные воины, отдавшие

частичку своего тела на съедение злой войне. Что бы жили мы. Что бы никогда не повторилась на Земле эта страшная беда – война.

В гостях у тети Вари меня пугала стоявшая в прихожей нога в мужском ботинке. Свою родную дяде Саше отрезали в медсанбате под Волховом. А эту, жесткую и скрипучую, ему выдали недавно.

– Все по блату! Не дождаться этой очереди! – сердито говорила тетя Варя, натирая касторовым маслом верхнюю часть страшной ноги. – И режет ведь как ему, проклятая! Больно! До крови!

Льется кровь людская. Льется по сей день. Льются слезы детские. Вот опять слезинка по маленькой щечке сползает. Слезинка, глубины которой не стоит ни одна мировая теория.

В 1959 году Генеральной Ассамблеей ООН принята декларация прав ребенка. В 1989 г. на международном уровне принята Конвенция о правах ребенка – документ из 54 статей. Основным актом о правах ребенка в России является Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124 – ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

В последнее время у нас часто стали говорить о правах ребенка, о беззащитной детской психике. Например, прикрикнул учитель на распоясавшегося двухметрового верзилу, чиркающего в учебнике фломастером – нанес удар по детской психике! Какой злодей – мог бы ведь мягко пальчиком погрозить!

Много пишут о последствиях детской психологической травмы – и характер впоследствии у человека формируется злой, ожесточенный, и депрессии часто накрывают, и фобии различные преследуют, и наклонности нехорошие развиваются. Это так.

Но тогда какими же неадекватными монстрами согласно этим теориям должны вырасти дети, пережившие боль настоящей войны!

Дети, пережившие Ленинградскую зиму 1941-1942 годов, засыпавшие голодными и просыпавшиеся в объятьях смерти! Послевоенные дети, не познавшие тепло материнских рук в бесчисленных детских домах! Какой же должна быть ваша психика? Кто ответит за ваши искалеченные души?

Но вы не ожесточились. Я люблю рассматривать старые фотографии – сколько света в лицах! И платьице из бабушкиного перешито, и туфельки мелом набелены, а в руках– книга! Работали, учились в вечерних школах, техникумах. Встречали на Стрелке рассвет с любимыми. Растили детей. Строили Великую Страну. А что она, эта Великая Страна, подарила им в финале жизни? Рухнула Страна. Как карточный домик, рассыпалась в один миг.

Но они, дети войны, живы. Еще живы! Живите долго! Живите!

Я выросла в Ленинградской семье.И этим сказано все.

Только в последние годы мама стала делиться воспоминаниями своего блокадного детства. И вновь в ее глазах читается этот панический ужас – не потеряться! Эвакуировались в марте. Долго, бесконечно долго ехали через всю страну поездом. Под обстрелами. С остановками на неделю – разбиты пути. Но на каждой станции для эвакуировавшихся был организован кипяток и часто простая еда – хлеб, картошка. Порядок был не чета нынешнему! Бабушка уходила на станцию с маленьким бидончиком, долго стояла в очереди за пайком. А маленькая, худенькая пятилетняя девочка в кроличьей шубке и сером пуховом платке ждала в тесном вагончике-теплушке. Ждала, всматривалась тревожно. Она очень боялась, что бабушка не успеет ко времени и поезд поедет. Это чудовищный страх для маленького ребенка – потеряться в незнакомом месте. Страх, преследующий

до сих пор!

Мама моя, высококлассный инженер, ударник коммунистического труда, награждена почетными грамотами. Но всю жизньона необыкновенно мнительна, ранима, постоянно чего-то опасается, переживает по любому поводу. Она трудно сходится с людьми, очень замкнута. Она очень настороженно смотрит на окружающий мир, как будто ждет подвоха. Так ждала беду, так отгоняла беду голодная, испуганная девчушка, высматривавшая из дверного проема насквозь продуваемого вагона свою маму.

И папа только перед уходом поделился страшными воспоминаниями детства. Огромная, когда то шумная коммунальная квартира. В холодной кладовке спрятан завернутый в одеяло трехлетний братик. Он уже не плачет. Он больше никогда плакать не будет. А потом – эвакуация по Ладожскому озеру. Апрель – лед проседает и разламывается под колесами. На глазах провалилась идущая впереди машина. Некоторым людям удалось выскочить. Они отчаянно машут – возьмите, возьмите на борт! Но молча и угрюмо едут машины мимо. Каждый килограмм на счету.

– Мамочка, возьмем мальчика. Он маленький. Он легкий. Пусть вместо Павлика у нас будет жить. Но бабушка только сильней прижимает папу к себе. Вот и берег. Доехали!

Детям войны сейчас где-то лет по 80. У них давно нет ни мамы, ни папы. Они очень нуждаются в простой человеческой поддержке. Не обижайте их.

Быть может, они очень надоели вам своими непонятными жалобами, милые феи в белых халатах?

– Где болит? На что жалуетесь?

– В голове стреляет, вроде в боку еще....

Прошу вас – будьте снисходительны! Притворитесь добрыми. Это душа болит у стариков. Душа.

Быть может, вы – милые, интеллигентные дамы, посаженные нести культуру в массы, устали от присутствия этих потешных старушек в допотопных шалях? Потерпите! Притворитесь, что рады им. Пусть почаще приходят они в вашу библиотеку, концертный зал, дом культуры. Устраивайте для них праздники! Приглашайте лучших артистов! Искусство исцеляет!

Быть может, вы – слуги народа, депутаты и их многочисленные помощники, потратили бы некоторые средства на замену каруселей в увеселительном центре или на постройку нового торгового комплекса? Поверьте – подождут карусели! А торговых комплексов настроено больше, чем больниц.

Все мы родом из детства. Я выросла в Ленинградской семье. В семье детей, переживших страшную зиму 1941-1942 годов. Маме было 5 лет, папе 7.

Я просто зарифмовала папин рассказ. Придала ему стихотворную форму.

Вам, детям блокады, посвящаю.

Я Павлика на саночках везу

Нам повезло, что Павлик умер в среду.
А карточки давали в понедельник.
И птичью норму эту мне и деду
До крошки мама тщательно поделит.

Соседка Валя точит гайки, вроде
Для танков. Только это есть секрет.
Случается, покормят на заводе.
И я бы мог. Сказали – мало лет.

А Вовку взяли. Он – здоровый боров.
Дразнили в классе: «Вовочка-жиртрест!»
И у станка, гляди, суровый норов.
Зевнешь – и с голодухи палец съест.

А дед спалил последнего Толстого.
Сыта «буржуйка» миром и войной.
И почтальонша с тощей сумкой снова
Глаза отводит, встретившись со мной.

Метет вовсю. И нет ВСЕМУ предела.
Я Павлика на саночках везу...
И очередь у Сфинксов поредела,
Что за водой у проруби внизу.

3 место и звание лауреата – **Куличенко Вадим Тимофеевич** – родился в 1936 году в городе Острогожске Воронежской области. После окончания Высшего военно-морского училища Подводного плавания в 1958 году проходил службу на Северном флоте. Служил на дизельных, атомных лодках и в штабе Северного флота. капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий. (Израильско–Египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К – 131»). Проживает в г. Балашиха, Московской области.

Война - Победа

Мировое сообщество эксплуатирует военную тему так, как подсказывает ситуация.

Война всегда рассматривается в категориях целей и средств. И подвиги, и предательства совершаются во имя чего-то и ради чего-то. Может быть, поэтому никому и не удаётся изобразить (раскрыть) ту нравственную трансформацию, которая могла бы оправдать всемирные бойни 1 и 2-й мировых войн, и тех, что происходят, и по сей день (Югославия, Ирак, Сирия…). Это, пожалуй, сумел сделать только Лев Толстой в лице капитана Тушина («Война и Мир»), признавшим главным в войне переживания отдельного человека, вынужденного по воле кого-то переживать все страдания, выпавшие нам в этом мире. Все остальные изыскания в этой области и капиталистические, и социалистические, и все прочие сводятся только к личностям великих мира сего, или орудиям уничтожения человека (артиллерия – «бог войны», ракетная угроза, атомные боеголовки и т.д.). А между тем война – полигон, на котором проверяются моральные качества человека. Она тот эталон, с которым можно сверяться ежеминутно. В отличие от Магниток и колхозов, перестроек и реформ, победу в войне трудно рассматривать с разных сторон. Она есть – и точка. Все остальные вопросы – второстепенны. А вот последствия Победы – это уже другая тема и, как я сказал выше, эксплуатируется в зависимости от ситуации, и не только в мировом масштабе, но и внутри страны победительницы.

Праздник Победы, тем не менее, остаётся праздником Победы. В нём воплотилось счастье и слёзы тех дней, когда народ сумел поставить точку в многолетней борьбе с самым страшным и безжалостным врагом, какой появлялся в последние века. В те годы народ почувствовал, что смертельная опасность грозит самому факту существования народа и страны, и война стала действительно отечественной – народной. Более того, в те годы, особенно на фронте, люди почувствовали, что и они кое-что значат в государственной машине, что отдельный человек – не просто винтик гигантского механизма. Именно на передовой свершалась война. И видна она лучше всего из окопа, а не их штабов и политотделов. Любые гениальные замыслы и стратегические ходы полководцев – лишь расчёты и решения. Непосредственно победы добывали солдаты и офицеры взводов, рот и батальонов, эскадрилий и батарей. К сожалению, их ратный труд не всегда знали и правдиво отображали в своих донесениях штабы и политотделы, и не только потому, что находились вдали от передовой, а потому ещё, что больше любили себя, чем солдата. Именно тогда в войсках появилась поговорка, бытующая и поныне – «На фронте орденов не дают!». В основном, только благодаря журналистам мы сегодня восхищаемся подвигами героев. И ощущения этого вплетались в победный венок наряду с праздничными и траурными цветами. Вот почему я не приемлю изыскания некоторых авторов, утверждающих, что «войну выиграли штрафники». Да, в жизни, тем более на войне, бывает разное, но всё – таки одержать Победу позволил массовый, правдивый героизм моего НАРОДА!

Мы очень хорошо знаем, что победили в Великой Отечественной. Не могли не победить – добро против зла! 9 мая 1945 года всё казалось очевидным. Война закончилась, мы победили! Но уже тогда, в первый день мира, задавались вопросы, ответы на которые должно было дать будущее. Кто победил и почему, кто выиграл от этой Победы? К сожалению, только не мы. За 74 года после войны не один раз менялись оценки трагических событий тех лет. Даже академические издания по истории Великой Отечественной войны грешили субъективизмом, подстраивались под власть имущих. И вина за это лежит не на народе, а на руководителях страны, которые, как не печально, по талантам были гораздо ниже тех генералов, которые выиграли войну.

То, что началось в Союзе в середине 80-х годов прошлого века, ошеломило мир. Но ведь ровно за 30 лет до Горбачёвского 27 съезда был 20-й Хрущёвский съезд. Дело не в самих идеях, а в их носителях, кажущимися на первый взгляд героями и новаторами, а по сути такими же несовершенными смертными, но только с амбициями.

Со временем, удаляясь от 1945 года, войну превращали одни в страшную реальность, что фактически так, другие в оптимистическую трагедию. Но впечатления тех грозных, мучительных, кровавых дней никогда не изгладятся в памяти тех, кто воевал. Страхом и отчаянием, холодом и голодом, ранениями и смертями, мужеством и героизмом, победами и поражениями были наполнены те дни. Вечность была сконцентрирована в четыре года, а то и в минуты, даже секунды. В мгновения смертельной опасности души обнажались до самого последнего нерва. И люди творили невозможное.

Всё меньше остаётся людей, которые пережили ужасы той войны, оккупации, унижений на чужбине. На смену им приходят новые поколения, которые и книжек своих не хотят читать, а больше впитывают западную литературу с воспоминаниями бывших «героев» Рейха. И что удивительно, наша интеллигенция оправдывает это, придавая прах своих отцов и дедов. Неужели мы уже так глубоко пали, что не верим своей истории!?

В последние годы историки и общественность получили много новых документов, ранее неизвестных. Их трактовку нам преподносят люди не испытавшие, что такое война. Оценку минувшей войне даёт поколение историков, которые её не видели.

При всяких оценках войны незыблемым должен оставаться непререкаемым исторический факт –

героизм советского народа. А иначе мы не победили бы!

И те негативы, которые выискивают отдельные журналисты типа Сванидзе и Млечина конечно были, но зачем их выпячивать, делая чуть ли не основополагающими. А вот такой слой участников войны, детей от 7 до 14 лет, которым сегодня от 70 до 84 лет, почему-то никто не хочет слушать. А ведь и они скоро уйдут. Наверное, этого и ждут «правдолюбцы» журналисты, чтобы утверждать свою историю прошедшей войны.

Мальчишкой я пережил все ужасы оккупации, когда чуть не лишился матери, в 1947-1950 гг. от отца инвалида, защищавшего Ленинград, узнал, откуда появилась у наших людей ненависть к фашизму, и что такое «ходить в рукопашную». Взрослея, мы узнавали «Как закалялась сталь», а потом и то, что «Я после первого стакана не закусываю» в Шолоховской «Судьбе человека». «Русский характер» Алексея Толстого у нас вызывал слёзы.

Первое и, пожалуй, главное, что я узнал правду о войне из рассказов моего отца и его друга Тимофея, который четырежды бежал из немецких концлагерей, и чудом остался жив. Мне было тогда уже 15 лет, и я мог анализировать услышанное.

Они мне чистосердечно рассказали, за что сражались: «За Родину!» – это в их устах звучало без пафоса и обыденно, но значимо. Второе: «За семью!» – сегодня это звучит как-то необычно. Но, а дальше были и чувство человеческого достоинства, ненависть к врагу и прочие философские понятия.

Когда 20-й съезд развенчал «гений вождя», победителем остался только народ. Война превращалась в оптимистическую трагедию. Константин Симонов своим романом «Живые и мёртвые» (1959 г.) пытается превратить оптимистическую трагедию в трагедию классическую. Однако, и в толстом романе так и не нашлось места, чтобы внятно объяснить, за что сражался народ-герой. В романе есть такой эпизод, когда главный герой Синцов спрашивает – «Что дороже: человек или бумага?», на что сам автор, уходя от обозначенного в заголовке конфликта в бюрократические дебри, отвечает: «Человек с бумагой!». Сегодня на этот вопрос с полным основанием после анализа действительности, и не только, можно ответить: «Человек с деньгами!», а точнее будет просто «Деньги!».

Не давало ответа не менее знаменитое и Шолоховское произведение, вроде бы с ответом в заголовке, но это был только заголовок, а не суть – «Они сражались за Родину» (главы романа печатались в «Правде» в 1943, 1944 и 1949 годах – В.К.). Роман сыграл свою мобилизующую роль, он вселял надежду. « - Солдаты! Родина никогда не забудет ни подвигов ваших, ни страданий. Спасибо за то, что сохранили святыню полка – знамя. Пусть враг временно торжествует, но победа будет за нами…. Вы принесёте ваше знамя в Германию! И горе будет проклятой стране, породившей полчища грабителей, насильников, убийц, когда в последних сражениях на немецкой земле развернутся алые знамёна нашей… Нашей великой Армии – освободительницы!.. Спасибо вам, солдаты!».

К сожалению, получилось всё наоборот. Потому что мы воевали за символы, а не за человека. Нет уже той великой страны, победившей фашизм, не стало и той могучей армии, потому что в послевоенные годы и сегодня мы опять сражаемся за символы в виде реформ и бездарных вождей, лидеров многочисленных партий, которые прикрываются народом, как щитом. А что человек? Человек – это строительный материал, который можно и не экономить.

«Мы все войны шальные дети: и генерал, и рядовой», – поётся в песне. Но всё это в песне, а на деле

всё было иначе. Одни были в обозе, подвозили, снабжали, командовали, надзирали, кричали «Ура!» с газетных страниц и распределяли награды, не забывая и себя при этом. Давали звания и должности, устраивали праздники для себя, «братались» с мирным населением, а фашиста и в глаза не видели.

Другие ползали на животе под пулями, в грязи, на ледяном ветру, в жару среди разлагающихся трупов, чтобы вплотную приблизиться к врагу и вступить с ним в рукопашную схватку. В эту категорию попадают рядовые, взводные, ротные и комбаты. Они же были в ответе в случае неудач. Но зато, какая трогательная дружба и взаимовыручка были на передовой! Там в смертельной опасности не подхалимничают и не угождают, там выживают все, или все погибают.

Сегодня правят дети тех, кто был в обозе, а тех, кто ползал на животе в грязи – уже нет в живых. Чиновник правит бал…, чем кончится, пока не знает ни кто!

На моих глазах, в сознательном возрасте, прошли годы с 1945 по сегодняшний день, и мне горько сознавать, что во все годы солдат победитель не был оценён по достоинству в нашей стране. И сегодня, оставшихся в живых самая малость тех, кто вступил в войну в 1944 году 17-летними юнцами, делят ещё на участников войны и ветеранов войны, которые имеют разные льготы. Но разве дело в льготах? Обидно за тех, кто победив в Великой войне, так и не почувствовал достойной жизни.

Я не в обиде на побеждённую Германию, которая живёт ныне лучше нас. Я, честно говоря, просто завидую немцам, которые благодаря своему труду и мудрым руководителям, сумели построить достойную жизнь.

1945 год. Следы сражений – разрушенная Россия (Союз) и Европа – были налицо. Плоды Победы – новая карта и новые альянсы, тоже не заставили себя ждать. Но вопросы, которые задала та война мировому обществу, остались открытыми, как раны, которые она нанесла… Похоже, что её уроки не пошли впрок по обе стороны океана.

Но как бы не было, Великая Отечественная война выводила наш народ не только за пределы союзнических армий (наша страна не раз выводила союзников из-под удара ценою жизней своих солдат – В.К.), но и за пределы мировой истории, оставляя Россию в гордом одиночестве. Славы страны победительницы (причём основной) ей не могут простить до сего дня, пытаясь её всячески унизить….

Общеизвестно: никогда не врут так много, как после охоты и во время войны. Но теперь можно добавить к этому, видимо, справедливому наблюдению ещё одно, не менее справедливое: после войны врут тоже достаточно. Пожалуй, даже похлеще, чем во время таковой. Причина данного парадокса ясна: тех, кто воевал, уже нет, и защитить правду они не могут. А события войны – более 74-летней давности – в отсутствие свидетелей дают возможность не только вольной их интерпретации, но и для разного рода политических и идеологических построений, выгодных тем, кто хотел бы видеть нашу историю такой, какой её было бы удобно представить нам сегодня.

За всё надо платить. За Победу в войне, за естественные в сложных делах просчёты, за ошибки и глупости руководителей, за ненужное ускорение и за отсутствие мудрого терпения. Платить надо и за несостоявшуюся перестройку, и за нынешние, непродуманные реформы и «национальные проекты» тоже. Но ценников тут, увы, к сожалению, нет. И, начиная, очередное Великое ломание всего и вся, никто не знает, что почём и во что задуманное обойдётся России, а значит, и каждому из нас. Пока же ясно, что за годы нынешних «реформ» мы утратили многое и, видимо, потеряем – имею в виду то, что на языке армии называется «безвозвратными потерями», – народа больше, чем на всех фронтах Великой Отечественной войны… Победить в войне не всё – главное,

воспользоваться плодами Победы. Наши «вожди» не сумели этого сделать, а страдает народ – победитель!

Опора на аналогии в прошлом нужна для того, чтобы всматриваться в будущее.

Свои размышления хочу закончить фразой из произведений авторов – фронтовиков, ныне почему-то забытых, но самых правдивых. Они отображали переживания тех, «кто ползал на животе под пулями».

«Впереди, над видневшимися вдали крышами хуторских изб, вставал тяжёлый и дымный военный рассвет. Через час батальон займёт оборону на высотках по лесной опушке, а ещё через час всё начнётся сначала: воздушный налёт, артиллерийская канонада, стремительно наползающий чёрный танковый ромб; всё повторится сначала, весь бой, но с большим ожесточением, с неодолимой жаждой ПОБЕДЫ».

С днём Победы, дорогие сограждане!..

Звание дипломанта – **Гошев Сергей Аркадьевич** – родился в городе Котлас и в детстве мечтал ходить под парусом. В итоге, связал жизнь с армией. Закончил два военных училища. Уйдя в отставку, работал учителем в школе. Занимается патриотическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи, выступает в школах и библиотеках от Советска до Камчатки. Известен как детский писатель. Член Союза писателей России. Проживает в городе Советске Калининградской области.

Звёздный автограф

Генеральная уборка начинается с утра и заканчивается от усталости или от желания что-нибудь перекусить. Генеральная уборка потому и называется генеральная, что заглядываешь в те уголки домашнего хозяйства, куда и армейский старшина не всегда заглянет.

Я занимался уборкой в книжных шкафах, пылесосил. Добрался до нижних закрытых полок, где хранились «ценные» безделушки: напоминание о различных поездках и встречах. Включил пылесос на самую маленькую мощность и стал аккуратно убирать накопившуюся пыль. Моё внимание привлекла большая музыкальная шкатулка. Я знал, что находится в ней. Но то ли от усталости, то ли от простого желания окунуться в мир детства, я решил перебрать её содержимое, вспомнив, что последний раз заглядывал туда много лет назад. Выключил пылесос.

– Что притих? – раздался голос жены.

– Танюшка, да что-то захотелось заглянуть в шкатулку.

– Ну, тогда обед и ужин будут совмещены. Если тебе уже делать нечего, заглядывай.

– Я быстро, – достал шкатулку и уселся на ковре. – Вот посмотрю, а потом даже картошку почистить ещё успею, – необдуманно добавил я.

– Ловлю на слове, сам напросился! – засмеялась жена.

– Да, без проблем, – спокойно, не торопясь, открыл крышку… Заиграла приятная слуху мелодия. Сверху лежал синий галстук пионеров ГДР, на который были приколоты значки. Взял в руки аккуратную пачку фантиков. Просмотрел картинки полувековой давности. Красивые, прямо целыми

коллекциями разложены: фантики шоколадок с флагами государств, шоколадок «Сказки А.С.Пушкина», шоколадок серии «Космос». Супруга заметила мою улыбку.

– Мы с девчонками не только марками обменивались, а также фантиками и открытками с популярными артистами.

Да, действительно, на дне виднелись картинки с открытыми красивыми лицами артистов советского кино. Сверху их закрывала потёртая записная книжечка. Я её взял, изогнул, и страницы сами быстро перелистались. Рисунки мелькали один за другим, как в мультфильме. Вдруг одна страничка, сложенная вдвое, вылетела. На ней с обеих сторон были чьи-то росписи.

– Таня, посмотри, здесь какой-то листок с автографом.

Жена, взяла его и, поставив лейку с водой на журнальный стол (она собралась поливать цветы), присела рядом со мной.

– Это автограф космонавта Павла Поповича и его жены Марины Попович.

– А теперь с этого момента поподробней. Я весь внимание! – Взглянув на моё сосредоточенное лицо, супруга вздохнула. – Чистка лука, моркови, плиты – за мной! – я соглашался на всё, лишь бы услышать историю этого автографа.

– Ладно, уговорил. А что ты знаешь о Марине Попович?

– Знаю, что она родилась в 1931 году, ребёнком перенесла весь кошмар начала войны. С семьёй эвакуировалась в Новосибирск, где стала учиться в местном аэроклубе. В 17 лет прыгнула с парашютом и совершила первый полёт на УТ-2. Чтобы её зачислили в лётную школу, она лично обратилась к маршалу К.Ворошилову. Стала первой женщиной-лётчицей, преодолевшей звуковой барьер на реактивном самолёте Миг-21. После этого иностранные СМИ её окрестили «Мадам Миг». На её счету более ста мировых рекордов. Помимо этого, её именем названа звезда в созвездии Рака. Но я об этом только читал, а ты её видела «вживую»! Кстати, Попович окончил в Магнитогорске Индустриальный техникум трудовых резервов, который окончил и я.

– Но ты учитывай, что я была ребёнком, когда увидела семью Попович. Мы жили в Дрездене, папа служил в ГСВГ. Маме, как председателю женсовета гарнизона, было поручено купить подарок для их младшей дочери Оксаны. «Собирайся, доченька, поедем в центр игрушек покупать подарок для девочки. Будешь главным экспертом. Выбирай, как для себя, цена значения не имеет. Подарок должен быть достойным», – сказала мама. Тогда-то я и узнала, кому едем покупать куклу. Моей радости не было предела. Даже в те далёкие времена Германия славилась детскими игрушками. У меня глаза разбегались: на полках сидели, лежали в коробках пупсы, красавицы. Порой, их нельзя было отличить от настоящего ребёнка. Естественно, я выбрала самого дорого и «настоящего» пупса. Он умел сам открывать глаза, агукать, что-то лопотать, а когда в рот вставляли соску, он её сосал и улыбался. Дополнительно приобрели и два комплекта кукольной одежды для переодевания.

Мы (дети) заранее расселись в гарнизонном клубе на первом ряду. Думали, что космонавт привезёт с собой скафандр. Мальчишки уже распределились, кто и что будет примерять. Мы (девчонки) тоже от них не отставали. Мне хотелось почему-то гермошлем надеть, чтобы написано было «СССР». В зал вошло командование, все расселись, утихомирились. Каково же было наше удивление, когда на сцену вышла пара и села за столик, который стоял на сцене. Женщина была одета в скромное, но элегантное платье, а мужчина…в военной форме лётчика. Замполит представил их, и тут первый ряд в зале, то есть мы, возмутился: «Как же так!? А почему космонавт без скафандра? А где гермошлем? Мы же видели на фотографиях! А что мы будем примерять?» Зал замер, а Марина

Попович и Павел Попович смеялись до слёз. Наша детская непосредственность сделала встречу очень тёплой.

Сначала выступала Марина Попович. Оказывается, стать лётчицей она решила ещё в 10 лет. Она видела с земли ожесточённые бои в воздухе. Наши лётчики дрались отчаянно. Но самолёты с чёрными крестами появлялись всё чаще и чаще. А улицы после их налёта было не узнать. Смоленск бомбили. Семья уехала в эвакуацию, а отец ушёл на фронт. Вот тогда-то она и решила им отомстить и дала клятву, когда вырастит – станет лётчицей. Она подавала документы в первый отряд космонавтов. Там и познакомилась со своим мужем, П. Поповичем. Но её не взяли, так как отец у неё пропал без вести. Представляешь, когда она выполнила свой первый полёт как лётчик-испытатель, Павел Попович цветами выстлал ей лестницу в подъезде до квартиры (они жили на втором этаже).

Потом Павел Романович Попович выступал. В юности, оказывается, ему предлагали поступать в консерваторию. Но он с улыбкой всем отвечал, что поёт только для души. У него глаза горели, когда он рассказывал о своих друзьях-космонавтах. Главный конструктор Сергей Королев поручил вести ему радиопереговоры с первым космонавтом. Когда Ю. Гагарин уже сидел в кабине «Востока», обнаружили, что люк закрывается негерметично. Пока техники устраняли неисправность, Гагарин попросил «включить» ему музыку. «Юр, хочешь «Ландыши»?» – спросил Попович. В ответ Гагарин и все, кто находился в зале ЦУПа, засмеялись. Попович откашлялся и с приятной хрипотцой запел:

– Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз,
А бутылочку «Столичную-у-у».
Заберемся в камыши,
надеремся от души -
Так зачем нам
эти ландыши-и-и!..

Знаешь, я эту песню с другими словами тогда и не знала. Зато эти врезались в память сами собой.

Было так интересно, что мы не замечали время. Замполит сообщил, что звонили из консульства, пора отпускать чету Попович. Зал встал, зааплодировал. Я с мамой поднялась на сцену. В большой прозрачной коробке я несла пупса для их младшей дочери, а мама огромный букет роз от женщин гарнизона. Я вручила куклу и поблагодарила за рассказ. Марина Попович присела, обняла меня и поцеловала, а Павел Романович погладил по голове, на которой красовались два огромных банта. Я так осмелела, что рискнула попросить автограф. (Я это слово тогда уже знала, так как к нам часто приезжали знаменитости, и мы просили у них автографы.) Попович широко улыбнулся, кивнул мне головой и достал из внутреннего кармана кителя записную книжку. Сам расписался, вырвал листочек и подал его супруге, она тоже расписалась…

Их уже нет с нами, а этот маленький листочек с двумя звёздными автографами людей, проживших замечательную жизнь, я храню, чтобы помнить их и всё, что они сделали для нас.

Мы помолчали…

– Спасибо тебе за воспоминания, но одними рассказами сыт не будешь. Пойду делать, что обещал.

– Пойдём делать вместе!

Звание дипломанта – **Сумкина Алина Алексеевна –** родилась в селе Николаевское, Улётовского района, Забайкальского края. Студентка второго курса Читинского ФГБОУ ВО Байкальский Государственный университет, юридический факультет. Помимо увлечения литературой занимается спортом и военно-патриотической деятельностью. Мечтает служить в правоохранительных органах.

Алине Алексеевне всего 19 лет, но она участвовала во взрослом конкурсе и заслуженно вошла в число победителей.

Детство, опалённое войной

Среди всех праздников российского народа праздник победы над фашизмом – один из самых волнующих. Долгими и суровыми были годы войны, страшной плата за спасение Отечества. В нашей стране нет семьи, которая не пережила бы боль и горечь утраты родных или близких. Но люди выстояли, победили. Все они, прошедшие тяжёлые испытания и страдания, вызывают чувство восхищения.

Мой рассказ о простых, но необыкновенных людях – моих родственниках. Моей бабушке, Арине Прохоровне, её родителях, братьях и сёстрах. Семье Степановых, уроженцах села Старые Ключи Улётовского района.

Их красивое «семейское» село располагалось на берегу реки Ингоды, а с трёх сторон было окружено тайгой. Тайга... Веками стояла она глухой ко всему. Но шальным ветром занесло и сюда весть о войне с Германией. Эта весть высекла горькие слёзы у матерей и жён, проводивших своих родных в чужие, неведомые края.

Первым из нашей семьи на фронт был призван Николай Прохорович 1924 года рождения, которому на момент призыва только-только исполнилось 18 лет. Служил он в 31-й Стрелковой дивизии. Домой не вернулся. Погиб 25 января 1944 года, оставив на память о себе только несколько пожелтевших солдатских треугольников с номером полевой почты. Письма были очень короткие, и начинались неизменно: «Здравствуйте, дорогая мама, Матрёна Егоровна, тятька, Прохор Иванович, и все мои родные братья и сестрёнки. Пишет вам с фронта ваш сын и брат Колька...» До конца жизни потом оплакивала мать своего погибшего на чужбине сына, который был похоронен в Златопольском районе, Кировоградской области, Украинской ССР, КЗ «Молния».

Вслед за сыном, в апреле 1943 года, ушёл в пекло и отец, Прохор Иванович, 10 августа 1896 года рождения. Служил в пехоте, освобождал Польшу, дошёл до Берлина, оставив на стене Рейхстага свою подпись. Затем их полк перебросили на Восток в Даурию, а потом в Маньчжурию. Много всего повидал и пережил прадедушка. На основании Закона Верховного Совета СССР был демобилизован из действующей Армии 23 июня 1945 года. Пришёл домой в длинной солдатской шинели, пропахшей потом и пороховым дымом, с вещевым мешком за плечами, в котором были нехитрые подарки для родных. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашизмом, он был награждён медалью «За Победу над Германией» и медалью «За Победу над Японией». Прожил мой прадедушка совсем недолго. Участие в четырех войнах – Первой Мировой, Гражданской, Великой Отечественной и в войне с Японским империализмом в составе Забайкальского фронта постоянно напоминало о себе. Болели перебитая рука, шея, голова. Впоследствии он совсем потерял слух и скончался в 1959 году.

Проводив мужа на фронт, прабабушка, Матрена Егоровна, осталась наедине с непосильным трудом на плечах, да семью ребятишками на руках. Да, может им и было полегче, чем на фронте, но победу над фашизмом ковали и те, кто был в тылу, а это, в основном, женщины и дети. Вместе со старшей дочерью Евдокией Прохоровной, рождённой 10 августа 1922 года, работала прабабушка в колхозе «Свободный труд». За пять военных лет им пришлось испытать все «прелести» тяжелого крестьянского труда. Делали, что придется. Летом работали на сенокосе, зимой в лесу. Ручными пилами пилили лес, валили его, очищали от сучьев и уже готовые бревна сплавляли по реке Ингоде, либо возили на лошадях или быках на станцию. А еще ухаживали за животными. Колхозные сараи-трехстенки, покрытые соломой, находились за рекой. В холод, в дождь, в жару, в любое время года доили коров три раза в день. А еще кормили, поили, чистили…

В годы войны груз, лежащий на тружениках сельского хозяйства, увеличился в разы. Истекающая кровью страна умирала от голода, поэтому работали на износ, не щадя ни сил, ни здоровья, а трудовые их дни отмечали палочками, платя за непосильный труд 100 грамм муки. Вечерами, вернувшись домой, боялась смотреть мать в глаза голодным детям и, украдкой смахнув слезу, улыбалась, стараясь хоть чем-то накормить их.

В первый же год войны на селе стала проблема подготовки кадров механизаторов, взамен ушедших в армию. Было принято решение расширить сеть курсов трактористов, и обучать на них девушек. Вместе с другими девчонками и Дуся окончила 3-х месячные курсы в селе Доронинское, сразу сев за штурвал «колёсника». Это был трактор, который работал на дровах. Их специально для него заготавливали. Из леса привозили хлысты, затем их распиливали на чурки. Работа была не из легких, так как чурочки должны были быть определенного размера. Трактора были без крыш. Пыль, шум, холод… Ноги в дырявых ичигах примерзали к педалям, а на железном сиденье не очень-то согреешься. Сырой, пронизывающий ветер гулял под полами телогреек, солнце давно уже скрывалось за горизонтом, а в поле всё ещё пыхтели те колёсники. Приходилось работать по 15 и более часов в сутки. Девушки пахали, сеяли, на быках возили мешки с зерном на ток. Зимой в МТМ, опять же их силами, производился ремонт тракторов. Соберутся девчата, чтобы общими усилиями снять с рамы мотор, обвяжут его веревками и тянут. Сказать, что тяжело – это ничего не сказать. А потом ведь мотор обратно ставить надо. Но духом не падали. Никто не ушел из бригады, не предал своих подруг, пока не пришла долгожданная Победа.

Чуть позже в колхозе появились комбайны «Коммунар», и более усовершенствованные трактора, работающие на ДТ. И на них пришлось поработать моей рано повзрослевшей двоюродной бабушке. А ещё были поездки на быках за соляркой на станцию Ингода, которые занимали неделю пути с ночёвками в чистом поле, с нехитрыми похлёбками, приготовленными на кострах, с тем же холодным, пронизывающим ветром, с одеждой и обувью, промокшей насквозь от дождя и снега... Все пережила, все смогла. Родина высоко оценила трудовой подвиг Евдокии, наградив её медалью «За добросовестный труд во время ВОВ».

Наравне с взрослыми работали и мальчишки. Денису Прохоровичу на тот момент было 13 лет (он родился 7 июня 1928 года), а Устину Прохоровичу 11 (дата его рождения -14 октября 1930 года). В каждой семье тогда было 5-7 детей, и голод гнал их, старшеньких, на работу. Едва перевалив свой первый десяток, шли они в поле. Их ноги не знали тёплой и уютной обуви, их руки натирали мозоли о литовки и грабли, серпы и вилы, топоры и пилы. Солнце безжалостно выжимало из них последние силёнки, а мороз пробирал до костей. Круглый год были заняты и они на колхозной работе. Зимой возили сено на лошадях. И мёрзли, и плакали втихомолку от бессилия, страха и голода. Слёзы порой примерзали к щекам, но не жаловались те рано повзрослевшие дети – всё выполняли. Весной пахали и боронили землю. На быках и лошадях, а больше вручную, таща тяжеленный плуг на себе. Помимо дневной работы, ночью их заставляли пасти этих же быков и лошадей. Им не хватало взрослой мочи, когда по пояс мокрые от росы, в раскисших чирках, ещё далеко до зари уставали их руки и спины, кося наравне с взрослыми колхозные луга. Шли ровным строем и в знойный летний день: худые, полураздетые и полуголодные. Осенью работали на уборке хлеба. Жали тоже вручную. Серпами. Затем вязали снопы, ставили суслоны. Женщинам давали норму работы, поэтому прабабушка пропадала на поле с утра и до тёмной ночи, и маленькие девчонки бегали ей помогать. Она жала, а они оттаскивали пшеницу, клали на скрученные вязки для снопов. Потом в эти снопы и связывали. Днём хлеб убирали, а ночью скирдовали. Затем скирды вывозили в деревню и обмолачивали. Все зерно отправляли на фронт, а сами ели картошку, да и то, если могли вырастить. Картофельные очистки сушили, мололи и из них пекли оладьи. С весны переходили на подножный корм. Ели саранки, лебеду, крапиву, полевой чеснок, ягоды. Старшие, найдя что-то съедобное, последнее несли домой – младшим. Братья круглый год старались поймать рыбу, благо речка была рядом. Ещё в семье была коровушка, которая всех и спасала. Благодаря ей, поди, и выжили. Поэтому и берегли её пуще своего глаза. Эта ответственная работа лежала на плечах трёх сестрёнок

– Ульяны Прохоровны (дата её рождения 07 января 1932 года), Арины Прохоровны – (15 мая 1937 года рождения) и Серафимы Прохоровны, рождённой 10 августа 1939 года. А ещё они были няньками маленькому братишке Коле, который появился на свет 8 октября 1942 года. (Как они с этим справлялись, лично я не могу себе представить).

Вот так с началом войны и закончилось их детство. Они мечтали все одинаково: досыта поесть хлеба. Молоденькие, неокрепшие мальчишки и девчонки стали тогда для стариков и баб не только подмогой, но и выручкой, заменой.

Так они жили, работали, взрослели, приближали Победу.

Те дети, не были на поле брани,
Но ужасы войны сполна познали,
И испытали голод, холод, страх,
И позабыли игры во дворах…
Они теряли братьев и отцов.
Те дети заменили мужиков.

Только две сестры из всей многочисленной семьи Степановых встретили 73-ти трёхлетие Победы, но есть мы – их дети, внуки, правнуки и праправнуки. Те, кто помнит историю своей семьи и будет помнит всегда, ведь эта память – наша совесть!

Добавить комментарий

Комментарии